

А. 299
Л. 849

И. Н. Смирновъ. Восточные Финны.

Историко-этнографическій очеркъ. Т. I. Приволжская или Булгарская группа. Ч. I. Черемисы. Ч. II. Мордва. Т. II. Прикомская или Пермская группа. Ч. I. Вотяки. Ч. II. Пермяки.

Рецензія Академика Д. Н. Анучина.

Сочиненіе г. Смирнова посвящено историко-этнографическому изученію четырехъ финскихъ племенъ, живущихъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ русской народностью и мало-по-малу сливающихся съ нею въ одинъ общій — по вѣрѣ, языку и быту — народъ. Интересное само по себѣ изученіе этихъ племенъ представляетъ важность и для разьясненія многихъ вопросовъ, касающихся исторіи русской земли, колонизаціи ея восточныхъ областей, слиянія русскихъ съ инородцами, ихъ взаимнаго культурнаго вліянія и т. д.; ~~вмѣстѣ съ тѣмъ, оно способно обогатить новыми данными и общую этнологію или исторію первобытной культуры, знакомя съ интересными видоизмѣненіями древнѣйшихъ формъ матерьяльнаго, семейнаго, общественнаго и религіознаго быта въ средѣ финскихъ народностей Поволжья и Прикамья, испытавшихъ съ давнихъ поръ многоразличныя вліянія финно-угорскихъ, тюркскихъ, литовскихъ и славянскихъ племенъ, смѣнявшихся на территоріи средней и восточной Россіи въ различныя доисторическія и историческія эпохи.~~

Нельзя сказать, чтобы указанныя финскія народности не обращали на себя до послѣдняго времени вниманія ученыхъ. Особенности ихъ языка, быта и вѣрованій, ихъ географическое распредѣленіе, ихъ участіе въ исторіи Россіи были предметомъ многихъ замѣтокъ, очерковъ и изслѣдованій, начиная съ половины прошлаго столѣтія. Къ сожалѣнію, вся эта литература представляется крайне разбросанной — по различнымъ сочиненіямъ

и брошюрамъ, періодическимъ изданіямъ, трудамъ ученыхъ Обществъ, мѣстнымъ Сборникамъ, губернскимъ и епархіальнымъ вѣдомостямъ и т. д. Первая необходимость заключается поэтому въ томъ, чтобы подобрать всю эту литературу, извлечь изъ нея все существенное и составить сводъ данныхъ, имѣющихся по каждой избранной народности. Такого компилятивнаго свода, даже извѣстнымъ образомъ систематизированнаго, было-бы однако еще недостаточнымъ для уясненія существенныхъ чертъ отдѣльныхъ племенъ. Разбросанныя въ литературѣ данныя оказываются нерѣдко противорѣчивыми, неполными, не дающими отвѣтовъ на многіе вопросы, выставяемые современнымъ развитіемъ наукъ, именно — антропологіи, этнологіи, лингвистики, археологіи, исторіи русскихъ инородцевъ и русской колонизаціи, русской исторической географіи и т. д. Представляется поэтому необходимымъ восполнить имѣющіяся данныя личнымъ наблюденіемъ, ближайшимъ знакомствомъ съ типомъ, бытомъ, расселеніемъ отдѣльныхъ народностей и выясненіемъ на мѣстѣ различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ особенностями этихъ племенъ и съ ихъ отношеніемъ къ племенамъ окружающимъ.

Такую задачу и поставилъ себѣ профессоръ Казанскаго университета И. Н. Смирновъ. Онъ самъ опредѣляетъ ее словами: «сдѣлать относительно каждой народности сводъ всего, что уже извѣстно, скомбинировавъ факты такъ, чтобы изъ этихъ комбинацій вытекали вопросы, заставляющіе снова обратиться къ живой дѣйствительности и глубже заглянуть въ нее» и — «дать научно-систематизированный и восполненный личными наблюденіями сводъ данныхъ» о финскихъ народностяхъ средняго Поволжья и Прикамья. Положеніе автора, профессора Казанскаго университета и члена Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, въ значительной степени благопріятствовало достиженію поставленной имъ себѣ цѣли. Казань находится почти въ центрѣ территоріи указанныхъ финскихъ народностей; отсюда весьма удобны экскурсіи въ сосѣднія губерніи, а казанскіе музеи и библиотеки, въ болѣе степени, чѣмъ какіе-либо другіе въ Россіи, способны доставить литературные, антропологическіе, археологическіе и этнографическіе матерьялы для ознакомленія съ прошлымъ и настоящимъ Волжско-Камскаго края. Кромѣ того, авторъ могъ воспользоваться еще нѣкоторое время содѣйствіемъ покойнаго М. П. Веске, извѣстнаго знатока финскихъ нарѣчій, бывшаго лекторомъ ихъ при Казанскомъ университетѣ, а также могъ принять во вниманіе для нѣкоторыхъ народностей данныя, собранныя о нихъ финскими и венгерскими учеными. Что касается собственныхъ наблюденій автора, то они были произведены: по черемисамъ — въ губерніяхъ Казанской, Нижегородской, Вятской, Костромской и Уфимской, по вотякамъ — въ Слободскомъ, Глазовскомъ, Малмыжскомъ, Сара-

пульскомъ и Бирскомъ уѣздахъ, по пермякамъ — въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ, по мордвѣ — въ Нижегородской, Пензенской, Тамбовской и другихъ губерніяхъ. Въ чемъ именно заключались эти наблюденія, мы не можемъ указать съ точностью, такъ какъ авторъ не приводитъ своихъ маршрутовъ и лишь изрѣдка упоминаетъ о собранныхъ имъ лично фактахъ, тѣмъ не менѣе очевидно, что онъ старался собирать данныя объ особенностяхъ быта, расселеніи, обрусѣніи описанныхъ имъ народностей, а также провѣрять литературныя указанія наблюденіями и разспросами на мѣстахъ. Все это придаетъ его труду выдающееся значеніе въ русской этнографической литературѣ и дѣлаетъ его необходимымъ пособіемъ для ознакомленія съ указанными группами финскихъ народностей.

Сочиненіе г. Смирнова состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ монографій, вышедшихъ въ періодъ времени съ 1889 по 1895 г. Первая монографія — «Черемисы» (255 стр.) вышла въ 1889 г.; ей предшествовала поѣздка въ компаніи съ М. П. Веске и П. В. Траубенбергомъ по черемисскимъ селеніямъ въ 1888 г. Вторая монографія — «Вотяки» (308 + 43 стр.) — вышла въ 1890 г., третья — «Пермяки» (289 стр.) — въ 1891 г., четвертая — «Мордва» (285 стр.) — была напечатана въ «Извѣстіяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ» за 1892—95 гг. Планъ всѣхъ этихъ монографій болѣе или менѣе одинаковый. Авторъ приводитъ обзоръ литературы по данной народности, т. е. списокъ извѣстныхъ о ней сочиненій и статей, излагая вкратцѣ содержаніе каждаго источника и указывая обыкновенно попутно его недостатки, ошибки и неточности. Такой списокъ приводится обыкновенно въ концѣ монографіи, но иногда, именно по отношенію къ пермякамъ, въ началѣ ея. Далѣе слѣдуетъ очеркъ исторіи народности на основаніи данныхъ лѣтописей и актовъ, а для болѣе древняго періода — данныхъ языка, археологіи, народныхъ преданій. Затѣмъ приводится очеркъ «внѣшняго быта» съ замѣтками о природѣ страны, физическомъ типѣ народности, ея бытовой обстановкѣ, жилищѣ, костюмѣ, занятіяхъ, промыслахъ, а послѣ того — очеркъ «семейныхъ и общественныхъ отношеній», «развитіе семейной и общественной организаціи» съ подробнымъ разсмотрѣніемъ древнихъ формъ, по скольку онѣ отразились въ различныхъ пережиткахъ, обрядахъ, народномъ творествѣ и т. д. Въ заключеніе слѣдуютъ главы, посвященныя «религіознымъ вѣрованіямъ», культу, космогоническимъ мифамъ, народной поэзіи. Анализируя различныя извѣстія, авторъ старается дойти до яснаго представленія о постепенномъ сложеніи и развитіи формъ быта и вѣрованій каждой народности, а равно — о влияніи, которое она испытывала со стороны окружающихъ ее племенъ. Что касается «очерка исторіи», то онъ особенно подробенъ по отношенію къ мордвѣ, при чемъ авторъ, кромѣ уже

опубликованныхъ матерьяловъ, пользовался и нѣкоторыми мѣстными рукописными, для выясненія расселенія и состоянія этой народности въ нѣкоторыя историческія эпохи.

Приведенные списки источниковъ показываютъ, что авторъ не пропустилъ ничего существеннаго, появившагося до составленія имъ его отдѣльныхъ монографій. Кромѣ того, имъ приняты во вниманіе и археологическія изслѣдованія, касающіяся территоріи избранныхъ имъ племенъ и способныя бросить свѣтъ на ихъ доисторическое прошлое. Въ этомъ отношеніи однако авторъ, по нашему мнѣнію, не вполне воспользовался имѣющимся матерьяломъ. Такъ, напр., въ монографіи о черемисахъ имъ не приняты во вниманіе археологическія данныя о Мери, которая, несомнѣнно, стояла въ ближайшемъ родствѣ съ черемисами (последніе и до сихъ поръ называютъ себя мари, мѣр), и культура которой представляетъ поэтому существенное значеніе для уясненія доисторическаго быта черемисской народности. Подобнымъ же образомъ, въ монографіяхъ о пермякахъ и вотякахъ авторъ лишь поверхностно затронулъ археологическія указанія, и даже въ монографіи мордвы, гдѣ на данныя раскопокъ обращено наибольшее вниманіе, онѣ все-таки не достаточно анализированы, а нѣкоторыя даже и совсѣмъ не приняты во вниманіе¹⁾. Сопоставленіе имѣющихся археологическихъ данныхъ дало бы автору возможность пополнить составленныя имъ представленія о послѣдовательномъ развитіи древнѣйшей культуры среди изученныхъ имъ народностей въ теченіе ряда вѣковъ доисторической и исторической эпохи (примѣрно — съ VI по XIV в.), а также и о важнѣйшихъ культурныхъ теченіяхъ, смѣнявшихся на данной территоріи въ различные періоды.

Описанію «внѣшняго быта» народностей авторъ предпосылаетъ замѣчанія объ ихъ физическомъ типѣ и даетъ краткія антропологическія характеристики, основанныя отчасти на личныхъ наблюденіяхъ. Отъ историка-этнографа невозможно требовать многого въ этомъ отношеніи; тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что авторъ могъ бы воспользоваться въ большей степени, чѣмъ это имъ сдѣлано, имѣющимися данными о варіаціяхъ величины роста на территоріи описываемыхъ племенъ, о физическомъ развитіи этихъ народностей вообще и о краниологическихъ ихъ признакахъ въ частности.

1) Такъ, напр., автору остались, повидимому, неизвѣстными результаты раскопокъ Дружкина въ Терюшевской волости, подробно описанныя въ Протоколахъ Моск. Археологич. Общ. («Древности» т. X), а между тѣмъ эти раскопки дали наиболѣе полное понятіе о погребальной обстановкѣ, подробностяхъ костюма, украшенійхъ и т. д. мордовскихъ князей XIII—XIV вв.

Въ главахъ, посвященныхъ «внѣшнему быту», авторъ приводитъ многія интересныя свѣдѣнія объ особенностяхъ костюма и построекъ, о способахъ передвиженія (напр., волокушахъ, саянхъ, первобытныхъ повозкахъ у пермяковъ), объ украшеніяхъ и утвари, играхъ и т. д. Описанія эти много выйграли бы въ своей понятности и наглядности, если-бы сопровождались хотя самыми простыми литографированными рисунками. Въ настоящее время подобныя этнографическія монографіи становятся почти невысказанными безъ иллюстрацій, отсутствіе которыхъ не даетъ возможности ни уяснить себѣ многихъ подробностей, ни сравнивать между собою различныя варіаціи формъ. Авторъ (въ монографіи о черемисахъ) указываетъ, правда, на «матерьяльныя обстоятельства», помѣшавшія приложить къ его труду рисунки, но намъ кажется, что нѣсколько литографированныхъ таблицъ потребовали бы, сравнительно, незначительныхъ затратъ, а между тѣмъ существенно бы способствовали уясненію текста.

Съ большимъ вниманіемъ останавливается авторъ на исторіи развитія семьи у изслѣдованныхъ имъ народностей и, исходя изъ новѣйшихъ теорій, сопоставляетъ данныя для констатированія слѣдовъ первобытнаго гетеризма, материнства, левирата и т. д. Въ этихъ сопоставленіяхъ есть не мало интереснаго, хотя слѣдуетъ замѣтить, что въ послѣднее время указанныя теоріи (развитыя Бакгофеномъ, Морганомъ, Макъ-Леннаномъ и др.) подверглись извѣстному ограниченію, и положенныя въ основу ихъ факты стали получать нѣсколько иное объясненіе.

Особенно подробно разсматриваетъ г. Смирновъ религіозныя вѣрованія, исходя, главнымъ образомъ, изъ воззрѣній на смерть и загробную жизнь, изъ анимистическихъ представленій и культа предковъ и переходя затѣмъ къ стихійнымъ божествамъ, культу, космогоническимъ мифамъ и т. д. Въ этихъ главахъ сопоставлено много любопытныхъ фактовъ, болѣе или менѣе анализированныхъ и приведенныхъ между собою въ связь. Особенное вниманіе удѣляется авторомъ слѣдамъ человѣческихъ жертвоприношеній, какъ пережиткамъ древней эпохи каннибализма. Съ другой стороны, авторъ старается прослѣдить вліяніе на первобытныя вѣрованія ислама и христіанства, и обусловленное этимъ вліяніемъ послѣдующее развитіе религіозныхъ идей. По отношенію къ этому отдѣлу является особенно желательнымъ усиленное примѣненіе сравнительнаго метода, не ограничивающагося лишь цикломъ ближайшихъ народностей, но захватывающаго предметъ возможно шире, какъ это мы видимъ, напр., въ трудахъ новѣйшихъ, особенно англійскихъ изслѣдователей, Фрэзера, Гартлэнда и др. Только при подобномъ широкомъ сопоставленіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокомъ психологическомъ анализѣ возможно болѣе вѣрное пониманіе сущности религіозныхъ идей и ихъ постепеннаго осложненія, а равно — выдѣленіе основныхъ чертъ въ

развитіи религіозной мысли отъ мѣстныхъ ихъ варіацій и послѣдовательныхъ на нихъ наслоеній.

Въ монографіи каждаго племени авторомъ сопоставлены также данныя объ его географическомъ распространеніи, какъ современномъ, такъ и прежнемъ, въ древнѣйшую историческую и доисторическую эпохи, при чемъ для сужденія о бывшемъ распространеніи авторъ пользуется въ особенности географической номенклатурой, т. е. хорографическими и топографическими названіями. Здѣсь опять приходится пожалѣть о недостаткѣ иллюстрацій, въ данномъ случаѣ — картъ, на которыхъ было-бы представлено географическое распространеніе каждой изъ четырехъ народностей. Такія карты были-бы желательны потому, что существующая этнографическая карта Евр. Россіи Риттиха (изданная лѣтъ 25 тому назадъ) страдаетъ многими неточностями и вообще устарѣла и неудовлетворительна, такъ что замѣна ея, хотя-бы въ нѣкоторой части, болѣе соответствующею дѣйствительности является существенною необходимостью. Составленіе такой карты для средняго Поволжья и Прикамья облегчается до нѣкоторой степени изданными за послѣднее 20-тилѣтіе картами Казанской и частей Вятской и Пермской губерній; съ другой стороны, экскурсіи автора должны были дать ему не мало матерьяловъ для исправленія и дополненія уже имѣющихся статистико-географическихъ данныхъ. На основаніи всѣхъ этихъ матерьяловъ можно было-бы составить не одну только статистическую карту (съ раскраскою различныхъ частей губерній различными красками, смотря по преобладанію той или другой народности), но и антропо-географическую (по методу, указанному проф. Ратцелемъ), съ показаніемъ распредѣленія самыхъ селеній, занятыхъ тѣмъ или инымъ племенемъ. Къ сожалѣнію, авторъ не нашелъ возможнымъ присоединить къ своему труду хотя бы одну общую карту для всѣхъ четырехъ, описанныхъ имъ народностей и тѣмъ лишилъ свои монографіи важнаго и почти необходимаго къ нимъ приложенія. Если бы такая карта была составлена (примѣрно въ масштабѣ 40 в. или даже 60 в. въ дюймѣ), и если-бы на нее нанесены были также вѣроятные прежніе предѣлы распространенія племенъ (по крайней мѣрѣ — западные, съ указаніемъ хотя-бы болѣе типичныхъ хоро- и топографическихъ названій), то изъ нея можно было-бы составить себѣ наглядное понятіе, какъ о распредѣленіи всѣхъ четырехъ народностей среди окружающаго ихъ русскаго (также — татарскаго и чувашскаго) населенія, такъ, отчасти, и объ ихъ передвиженіи въ историческую эпоху на востокъ и сѣверъ. Такая карта уже сама по себѣ была бы цѣннымъ вкладомъ въ русскую этнографическую литературу; тѣмъ болѣе было-бы приятно ее видѣть въ приложеніи къ обстоятельному труду г. Смирнова.